

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 911.373.2(571.66)

СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ КАМЧАТКИ: ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

© 2023 г. Е. В. Антонов^{a, b, *}, С. Г. Сафронов^{b, **}

^aИнститут географии Российской академии наук, Москва, Россия

^bМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия

*e-mail: antonov@igras.ru

**e-mail: saffff@mail.ru

Поступила в редакцию 28.04.2023 г.

После доработки 14.09.2023 г.

Принята к публикации 22.09.2023 г.

Процесс и результаты российской колонизации традиционно привлекают внимание специалистов разных научных направлений. Развитие системы расселения — одновременно и важная часть, и индикатор этого процесса. На основе различных статических, картографических и литературных источников выделены генетические типы сельских населенных пунктов (снп) Камчатского края. Хотя большая часть из более чем 320 снп Камчатки в настоящее время уже исчезли или не имеет населения, их состав и география представляют интерес для анализа логики развития и перспектив дальнейшей трансформации расселения. В последние десятилетия она во многом связана с адаптацией исходных функций снп к современным условиям. В советский период, самый важный с точки зрения развития расселения, на Камчатке протекали разнонаправленные процессы: экстенсивный количественный рост, связанный с освоением местных рыбных ресурсов и сельскохозяйственных ареалов, сменился несколькими этапами “оптимизации” сети населенных пунктов. По сравнению с другими регионами Азиатской России здесь относительно слабо оказались представлены пункты, связанные с горнопромышленным освоением. В северной части края после ликвидации большинства сезонно обитаемых поселений коренных жителей сформировалась редкая и не очень устойчивая сеть стационарных поселков. В сумме все эти процессы привели к формированию на полуострове довольно широкого для территорий с очаговым расселением набора генетических типов снп — от промысловых и лесохозяйственных до аграрных, связанных с земледельческим освоением, и пригородных. Дальнейшая эволюция сельского расселения края будет зависеть от сохранения жизнеспособных элементов исходных функций населенных пунктов и социального ядра жителей, поддержания созданного на предыдущих этапах жилищного фонда и инфраструктуры.

Ключевые слова: сельское расселение, генетические типы сельских населенных пунктов, Камчатский край

DOI: 10.31857/S2587556623080034, **EDN:** HRZTJQ

ВВЕДЕНИЕ

Тема освоения Северо-Восточной Евразии не нова и обсуждается специалистами разных научных направлений уже нескольких столетий. С 1930-х годов значение термина “колонизация” в отечественной науке приобретает негативный характер как процесс подчинения и лишения территорий политической самостоятельности со стороны иностранного государства. При сравнительном анализе русской колонизации в науке возник даже термин внутренней колонизации (Эткинд, 2011). Он нацелен на сопоставление механизмов овладения новыми заморскими территориями ведущими европейскими державами и логики противоречивого по своим экономическим и социальным результатам освоения терри-

торий, включенных непосредственно в границы самой империи. Историков в этом процессе наряду с хронологией больше интересуют движущие силы процесса; социологов и культурологов — социальные группы — субъекты и объекты колонизации, колониальные институты; регионалистам интересны пространственные особенности этого процесса вместе взятые (Лейзерович, 2001).

Общим является вопрос о глубине и достигнутых результатах, об обратимости этого процесса и необходимости нового этапа освоения. Оценки достигнутых итогов варьируются от в целом позитивных и академически нейтральных до весьма жестких и нелицеприятных (Сибирь ..., 2014; Родоман, 2009). Важные негативные аспекты этого процесса, на которые часто обращают внимание,

— непоследовательность колониционной политики, связанная с отсутствием четких экономических и политических целей, разрушение традиционной среды обитания автохтонных этносов, проблемы с формированием идентичности у значительной части не вполне добровольных переселенцев и, как следствие, — потребительское отношение к ресурсам территории. Все эти вопросы остро встают на современном этапе — на фоне миграционного оттока из теряющих привлекательность регионов Сибири и Дальнего Востока, быстрого сжимания обитаемого пространства и деградации системы расселения.

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Сельское расселение — один из маркеров колониционных процессов, лучше всего описывающий границы и характеризующий типы использования обитаемого пространства. Этапы быстрого роста сети сельских населенных пунктов (снп) носят, как правило, экстенсивный характер и совпадают с периодами освоения основных минерально-сырьевых ресурсов территории; сжатие же связано с их истощением, переходом на новые технологии или районы добычи. Современную сеть сельских поселений¹ большинства регионов северо-востока России можно, используя геоморфологическую терминологию, рассматривать как скально-останцовые структуры, фиксирующие наиболее устойчивые элементы системы расселения, которая продолжает свое развитие лишь в ограниченных, прежде всего пригородных, ареалах. Цель исследования — выделить типы поселений по причинам происхождения и на этой основе проанализировать ход, предпосылки роста и сжатия сети поселений, а также оценить перспективы дальнейшей трансформации системы расселения, прежде всего в сельской местности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Одно из существенных препятствий анализа системы расселения Камчатки — разрозненность данных как о числе населенных пунктов, существовавших на разных этапах развития региональной системы расселения², так и об их исто-

рии и качественных характеристиках. Поэтому для реализации поставленной задачи использовался разнообразный круг материалов, которые можно разделить на четыре группы: данные переписей и текущего учета населения³, которые дополнялись и корректировались с привлечением справочников административно-территориального деления⁴, краеведческой литературы⁵ и историко-картографических источников⁶.

Для учета широко распространенных на севере региона до начала 1930-х годов временных населенных пунктов и кочевьев автохтонного населения особое значение имеют материалы Приполярной переписи населения⁷. Не менее сложна демография сельских поселений двух послевоенных десятилетий. Быстро менявшиеся в связи с развитием рыбной и лесозаготовительной промышленности, сельского хозяйства и расширением границ городов списки снп фиксировались лишь в постановлениях органов власти и частично в справочниках административного деления. Сочетание данных из разных источников позволило составить базу из 325 топонимов населенных пунктов, когда-либо включавшихся в официальные списки, из которых 86 существуют и сегодня. Приводимые ниже графики и таблицы по этапам развития системы расселения и основным ее географическим пропорциям составлены на основе указанных материалов.

ОБЗОР РАНЕЕ ВЫПОЛНЕННЫХ РАБОТ

Основные подходы к типологии сельских населенных пунктов в отечественной географии были заложены С.А. Ковалевым (1963), рассмат-

³ Материалы по статистике Камчатской губернии/РСФСР. ЦСУ. Дальне-Вост. обл. стат. упр. Хабаровск, 1926. 28, XXXIV с.

⁴ Камчатская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1988 г.: Справочник. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1988. 32 с.

⁵ Вопросы географии Камчатки. Вып. 1—17. Петропавловск-Камчатский, 1963—2022. <https://www.rgo.ru/ru/kamchatskoe-kraevoe-otdelenie/proekty/zhurnal-voprosy-geografii-kamchatki> (дата обращения 16.01.2023); Вопросы истории Камчатки. Вып. 1—10. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2005—2016. <http://www.knigakamchatka.ru/periodical/istorii/> (дата обращения 18.02.2023); Корякский округ: даты, события, факты. Справочное издание. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2018. 336 с.

⁶ Камчатка XVII—XX вв.: Историко-географический атлас. М.: Фед. служба геодезии и картогр. России, 1997. 112 с.; Промышленность СССР на начало 2-ой пятилетки: Географический атлас. М.: Всесоюзный картографический трест, 1934. С. 47—48.

⁷ Список населенных мест Дальневосточного края: по материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. и Приполярной переписи 1926—1927 гг. Хабаровск—Благовещенск, 1929. 229 с.

¹ В статье, если не оговорено иное, термины “поселение” и “населенный пункт” используются как синонимы.

² Среди специалистов по истории края ведутся дискуссии о количестве поселений, когда-либо зафиксированных на топографических картах, в том числе и на современной административной карте 2007 г. издания (масштаб 1 : 1 700 000), но не попавших по разным причинам в официальные списки снп (см., например, форум “Я люблю Камчатку”: <http://www.ilovekamchatka.ru/topic/2950-kamchatskaya-zagadka-120-naselennye-punkty-kamchatki-pahachi-ossora-i-dr>).

ривавшим генетическую типологию наряду с морфологической (по внешним формам и позиции в ландшафте) и функциональной как одну из трех основных на пути выделения комплексных региональных типов сельских поселений. Генетическая типология отражает как инерционность морфологии и территориальной структуры поселений, которые в той или иной мере наследуются даже после трансформации их функций, так и специфические черты профессиональной и социальной структуры и образа жизни населения.

В отечественной географии наиболее последовательно и полно генетическая типология сельских поселений по двум параметрам — времени и причинам возникновения — была реализована Д.Н. Лухмановым в Атласе Алтайского края (Алтайский ..., 1980) и Н.В. Солдатовой (1995) в диссертации, посвященной Вологодской области. Не идентичная, но близкая по духу логика исследования, используется в ряде недавних работ по географии сельского расселения Беларуси (Шарухо, 2007). В большинстве других публикаций, посвященных анализу структуры сельских поселений, основное внимание уделяется морфологическим или функциональным типологиям, а усеченные генетические характеристики используются как дополнительные (например, Лухманов, 2005; Панков, 2011; Kalinina and Komarova, 2013).

Аналогичные подходы свойственны и большинству зарубежных исследований. В Европе, где эпоха формирования сети собственно сельского расселения уходит корнями в уже трудно детализируемое прошлое, ученые разных поколений чаще оперируют понятием исторических типов поселений, лишь иногда выделяя их отдельные более яркие генетические группы (например, Baker, 1988; Darby, 1931; Duffy, 2009; Jakle, 1974). В имеющем не менее древнюю историю Китае это скорее связано с более слабо выраженной социально-экономической дифференцированностью сельской местности и функций сельских поселений. В большинстве статей, написанных на основе созданного по проекту Национального географического общества набора данных о более чем 2500 “традиционных сел”, анализируются преимущественно их морфологические особенности и локализация в ландшафте (Kang et. al., 2016).

Для северных территорий и регионов нового освоения анализ особенностей формирования сельского расселения — один из инструментов понимания логики колониационного процесса, индикатор его волн и смены механизмов привлечения населения. Среди историко-географических работ такого рода особое место занимают исследования М.В. Витова, реконструировавшего ход и проанализировавшего факторы формирования локальных систем расселения на Русском Севере на этапе их становления (Витов,

Власова, 1974). Работы, посвященные современной динамике северных территорий, делают акцент либо на факторах, связанных с развитием традиционных отраслей хозяйства, либо с социальной активностью жителей, которые могут помочь остановить сжатие обитаемого пространства (Клоков, Антонов, 2022; Савоскул, Алексеев, 2021; Averkieva, 2020). Обобщению данных о генезисе населенных пунктов, в том числе и Камчатки, больше внимания уделяют историки и краеведы [например, (Борисов, 2008; Гаврилов, 2003)].

Представленные на Камчатке генетические типы поселений тесно связаны с процессом ее освоения. Главная особенность сельского расселения Камчатки — очаговость, причины которой в разных частях протянувшегося почти на полторы тысячи километров с севера на юг региона отличаются. На севере, в пределах бывшего Корякского автономного округа, где доминируют тундровые и горно-тундровые ландшафты, определяющее значение имеют суровость климата и низкий агроклиматический потенциал ландшафта. В центральной и южной частях полуострова на фоне умеренно благоприятных природно-климатических условий — это скорее оторванность от материковой системы расселения, более позднее начало колонизации.

Хотя первые казачьи отряды появились на полуострове вскоре после выхода русских к Охотскому морю в середине XVII в., систематическое освоение полуострова в силу ограниченности людских ресурсов началось лишь в XX в. До этого сельского расселения за пределами Петропавловской гавани и ее окрестностей в нижнем течении реки Авачи и вокруг Авачинской бухты ограничивалось сетью временных поселков коренных жителей на севере полуострова, отдельными промысловыми поселками вдоль Центрально-Камчатской межгорной долины и побережья Охотского моря. Важнейший фактор очаговости, несколько не утративший свое значение до сегодняшнего дня, — слабая транспортная связность, обусловленная в первую очередь особенностями рельефа: субмеридиональные хребты рассекают систему расселения на отдельные цепочки и кусты населенных пунктов, сообщение между которыми весьма затруднено. Меньше половины длины основного Транскамчатского шоссе имеет асфальтовое покрытие.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Выделяется *три основных этапа развития сельского расселения* Камчатки. На *первом*, завершившемся к моменту установления на полуострове советской власти в середине 1920-х годов, — преобладали формы расселения, связанные с традиционным и промысловым хозяйством. В этот пе-

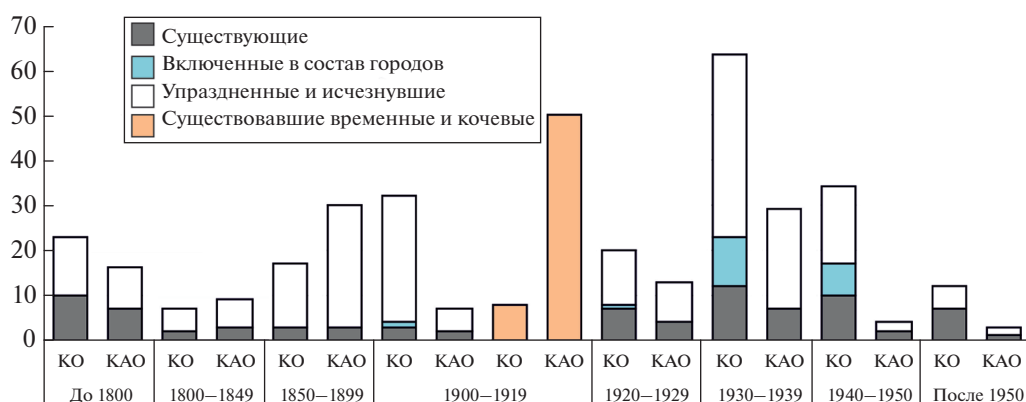

Рис. 1. Распределение сельских населенных пунктов Камчатского края по этапам возникновения, ед. (в пределах территории: КО – Камчатской области, КАО – Корякского АО). Составлено по указанным в тексте источникам. Временные поселения и кочевья приводятся по данным Приполярной переписи населения 1925–1926 гг.

риод сельское расселение региона состояло из разреженной сети острожков, созданных в ходе колонизации в центральной, и временных, кочевых поселений – в северной части полуострова. В конце XIX – начале XX в. по мере развития рыболовства началось активное освоение прибрежных зон, а на севере стала медленно расти сеть постоянных снп. Начиная с середины XVIII в. на Камчатке появляются первые примеры земледельческой колонизации. Деревни, в которых население пыталось заниматься растениеводством, были сосредоточены в двух–трех районах с лучшими агроклиматическими условиями в центральной и юго-восточной частях полуострова.

Развитие расселения в первой половине советской эпохи (второй этап) было в основном связано с экстенсивным освоением рыбных и лесных ресурсов полуострова, пик которого приходится на 1930–40-е годы, и появлением в процессе создания Камчатского оборонительного района группы поселений, выполнявших специальные функции (рис. 1). В северной части Камчатки, где в 1930 г. создается Корякский автономный округ, в ходе коллективизации происходит быстрый переход на оседлость кочевого населения, сопровождавшийся заметным сокращением общего числа поселений.

В 1950–70-е годы основная часть населенных пунктов возникала при новых предприятиях по добыче золота и руд цветных металлов, для обеспечения работы геологических партий. В юго-восточной части полуострова по берегам Авачинской бухты, вдоль шоссе Петропавловск–Камчатский–Елизово–Начики с конца 1960-х годов формируется агломерация Петропавловска–Камчатского. В результате расширения своих границ, областной центр, города Елизово и Вилючинск с 1960 по 2004 г. поглотили не менее 15 населенных пунктов, в разное время возник-

ших как промысловые поселения, поселки при промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, военные городки. В 1960–1980 гг. существенной проблемой становится закрепление на полуострове квалифицированных кадров, большее внимание уделяется благоустройству крупных поселков – райцентров, центральных усадеб сельхозпредприятий, где активно возводится многоквартирное жилье и коммунальная инфраструктура, значение которых для сохранения каркаса расселения велико и сегодня.

В постсоветский период утрата значительной части экономической базы привела к деградации основных функций большинства поселков, а сжатие, но уже более медленное, сети сельского расселения продолжилось. На этом фоне выделяется лишь относительно благополучный Елизовский район, где усиливается селитебная и рекреационная функции снп, более подвижна структура населения, а исходные функции поселений быстрее дополняются или замещаются новыми. Однако общая проблема депопуляции характерна и для Елизовского района, вес которого в сельском населении края за последние три десятилетия вырос с 20 до 34%, а абсолютная численность сельских жителей сократилась на 23%.

Генетические типы сельских поселений Камчатки тесно связаны с выделенными этапами развития системы расселения (табл. 1). В дореволюционный период довольно развитую сеть временных (сезонных и кочевых) поселений автохтонных народов имела северная часть полуострова. С XVII в. начала формироваться сеть постоянных населенных пунктов, в которых коренные жители часто проживали вместе с русским старожильческим населением. Основные ареалы кочевого расселения в южной части Камчатки постепенно замещались сетью русских поселений, многие из которых возникли вблизи бывших ительменских стойбищ в

Таблица 1. Типы снт Камчатского края по происхождению

Тип снт по происхождению	До 1900	1900–1924	1925–1941	1945–1970	Всего		Из них существующие
	число поселков					%	
<i>I.</i> Переход коренных жителей к оседлому образу жизни	47	7	6		60	18.6	15
<i>II.</i> Центр колонизации,	36	5			41	12.7	14
в том числе:	6	2			8	2.5	3
земледельческой (<i>IIa</i>)							
<i>III.</i> Рыбопромысловый	20	31	82	7	139	43.2	17
<i>IV.</i> Промышленный, транспортный, рекреационный			6	7	13	4.0	1
<i>V.</i> Лесохозяйственный			2	4	6	1.9	3
<i>VI.</i> Сельскохозяйственный			37	11	49	15.2	28
<i>VII.</i> Административный		1	2		3	0.9	3
<i>VIII.</i> Со специальными функциями			2	8	9	3.1	1
<i>Всего</i>	103	44	137	36	321	100.0	82
<i>%</i>	32.0	13.7	42.9	11.5	100.0		

Составлено по указанным в тексте источникам.

богатых сенокосными угодьями урочищах нижнего течения р. Авачи и прибрежной полосы Авачинской бухты. Сложившуюся под влиянием этих факторов картину расселения зафиксировала Приполярная перепись 1926–1927 гг.

После прихода советской власти и начала коллективизации в течение 1930-х годов происходит *переход коренного населения на оседлость*. Большинство таких поселков (*тип I*) создавались в пределах Корякского автономного округа, в основном вблизи побережья, где была возможность сочетать разные элементы традиционного хозяйства — речное и морское рыболовство, промысел морского зверя, оленеводство. В глубине территории в среднем течении рр. Пенжины, Вывенки, Апуки появилось лишь несколько поселений, где колхозы имели преимущественно оленеводческую специализацию.

Отдельную группу составили снт, возникшие в связи с переходом на оседлость эвенов, прикочевавших на северо-запад центральной Камчатки из Якутии. Сегодня в образованном для них в 1932 г. Быстринском районе осталось лишь два постоянных поселения — райцентр Эссо и Анавай, в окрестностях которого урочища до сих пор носят имена существовавших еще в 1930-е годы стойбищ. Судя по всему, некоторые временные поселения продолжают поддерживаться. В туры по «Камчатской Швейцарии», как иногда называют эту территорию, обычно включается несколько оленеводческих стоянок, готовых принять и познакомить туристов с традиционным бытом эвенов.

Острожки, появившиеся в ходе *первичной колонизации (тип II)*, размещались в точках, удобных для контроля территории, обороны, хранения ясака, нередко рядом с ительменскими и корякскими стойбищами. Позднее из-за нехватки места и сельскохозяйственных угодий, проблем с подтоплением и размывом берегов часть из них была перенесена на новое место. Некоторые поселки, среди которых наиболее известны Малки и Начики, возникали вблизи теплых источников, лечебно-оздоровительные свойства которых были отмечены еще в XVIII в.

Первые опыты *земледельческой колонизации* на Камчатке относятся к середине XVIII в. Из всех выбранных в 1741–1743 гг. мест для развития растениеводства относительно удачным оказалось среднее течение р. Камчатки. Здесь возникло село Мильково, ставшее центром первого крупного сельскохозяйственного района, куда в 1774 г. прибыла партия крестьян с берегов Лены (*тип IIa*). В середине XIX в. земледельческое освоение распространяется на юго-восточную часть полуострова, где в 1853 г. переселенцами было основано село Николаевка.

В советский период новые *сельскохозяйственные поселения (тип VI)* — центральные усадьбы колхозов и совхозов — появились на Центрально-Камчатской низменности вдоль идущей с юга на север дороги, а также по долинам рр. Авачи и Паратунки. В окрестностях областного центра развивалось пригородное сельское хозяйство: вдоль трассы Петропавловск-Камчатский–Начики создавались подсобные хозяйства промышленных предприятий и воинских частей, а с 1960-х годов —

садово-дачные товарищества для жителей областного центра. В 1956 г. Камчатская зональная опытная станция, созданная в 1933 г. около Мильково, переносится в село Сосновку Елизовского района.

Рыбопромысловые (тип III) поселки стали появляться на Камчатке с конца XIX в. Их расцвет пришелся на 1930–1940 гг. — весьма противоречивый период деятельности Акционерного камчатского общества (АКО), координировавшего работу по созданию рыбодобывающей промышленности на Камчатке и в прилегающих районах (Ильина, 2012). География первого поколения рыбопромысловых поселков определялась особенностями пассивных форм лова в первую очередь лососевых рыб в реках и прибрежной зоне. При отсутствии морозильного оборудования и крупных судов это привело к формированию довольно разветвленной сети снп вдоль юго-западного берега Камчатки⁸, побережий Олюторского залива и залива Корфа (Борисов, 1939). Часть этих поселков разместилась на месте хозяйственных пунктов японских рыбаков, постепенно вытеснявшихся с материковой части полуострова. По мере роста оснащенности менялись масштабы и география рыбной отрасли, с 1950-х годов ставшей переходить на активные формы морского промысла (Гаврилов, 2003). В результате концентрации производства и изменения районов лова, происходила и “оптимизация” сети рыбопромысловых снп, сократившейся уже к середине 1960-х годов в несколько раз (Камчатская ..., 1966).

Еще четыре группы поселков немногочисленны по составу, однако представляют важные типы освоения территории. *Лесохозяйственные* — организовывались в 1940-е годы на севере Мильковского района в пределах компактного ареала хвойных лесов, пригодных для промышленной эксплуатации (*тип V*). Поселки со *специальными функциями (тип VIII)*, активно создававшиеся накануне и в годы Второй мировой войны, сыграли существенную роль в формировании расселения Камчатки в советский период, но часто не включались в официальные списки. Многие из них, возникшие в окрестностях Петропавловска-Камчатского, позже вошли в его состав. Три крупных снп в северной слабозаселенной части края, Эссо в Быстринском районе, Оссора — в Карагинском, и Каменское (Пенжинская культбаза), с 1930 по 1932 г. являвшийся центром Корякского автономного округа, исходно создавались как *админи-*

стративные центры с более широким набором функций (*тип VII*).

Относительно немного в крае по сравнению с другими регионами азиатской части России населенных пунктов, возникших при промышленных предприятиях, приисках, ГОКах, базах геологических партий или исходно имевших транспортные функции⁹ (*тип IV*). Плановое развитие геологической службы на Камчатке началось относительно поздно, а большинство созданных для нее в 1960–70-х годах поселков, в том числе самый крупный, Агинский, при одноименном золоторудном месторождении, уже прекратили свое существование (Смышляев, 1999). В настоящее время при разработке новых месторождений обычно возникают вахтовые поселения, не включаемые в списки постоянных населенных пунктов, как например, при медно-никелевом руднике Шануч в Быстринском районе.

Особенности трансформации сельского расселения Камчатки в постсоветский период во многом обусловлены структурой представленных в регионе генетических типов поселений, сформировавшихся в результате экстенсивной колонизации, откат которой связан как с изменениями технологий добычи наиболее важных ресурсов, так и институциональными факторами — снижением внимания и интереса государства к этим территориям. С конца 1990-х годов динамика сельского расселения Камчатского края, с одной стороны, имеет много общего с другими регионами азиатской части: быстрая депопуляция, связанная с интенсивными меж- и внутрирегиональными миграциями, ускорила относительную концентрацию населения в пригородных поселках и проседание в структуре группы средних по размеру поселений (рис. 2).

С другой стороны, от регионов Европейского Севера с более длительной историей освоения Камчатка отличается значительно меньшим весом мелких снп, от соседней Чукотки и Якутии — пониженной долей средних по размеру поселений, что во многом связано с демографическими и социальными проблемами среди коренного населения (см. рис. 26). По структуре сельского расселения Камчатский край ближе всего из северных регионов к Ямало-Ненецкому АО, где последовательная колонизация началась позднее, чем у соседей. Однако на Камчатке, в условиях транспортной удаленности и острого дефицита населе-

⁸ В 1959 г. Октябрьский (Микояновский) рыбокомбинат, находившийся в одноименном поселке, имел пять подразделений, базировавшихся в отдельных населенных пунктах, Ичинский рыбокомбинат — три, Крутогоровский — семь, Кировский — семь, Пымтинский — два (Рыба Камчатского края. <http://old.fishkamchatka.ru/?cont=long&id=14862&year=2009&today=22&month=01> (дата обращения 02.02.2023)).

⁹ Крапивная — единственный поселок, с транспортными и позднее лесохозяйственными функциями, был организован как перевалочная база для доставки в Быстринский район грузов, поднимавшихся из Усть-Камчатска вверх по р. Камчатке, а затем перегружавшихся на гужевой и автотранспорт. После прокладки в 1960-х годах грунтовой автодороги Елизово–Эссо в Крапивной некоторое время работал лесоучасток Козыревского леспромхоза.

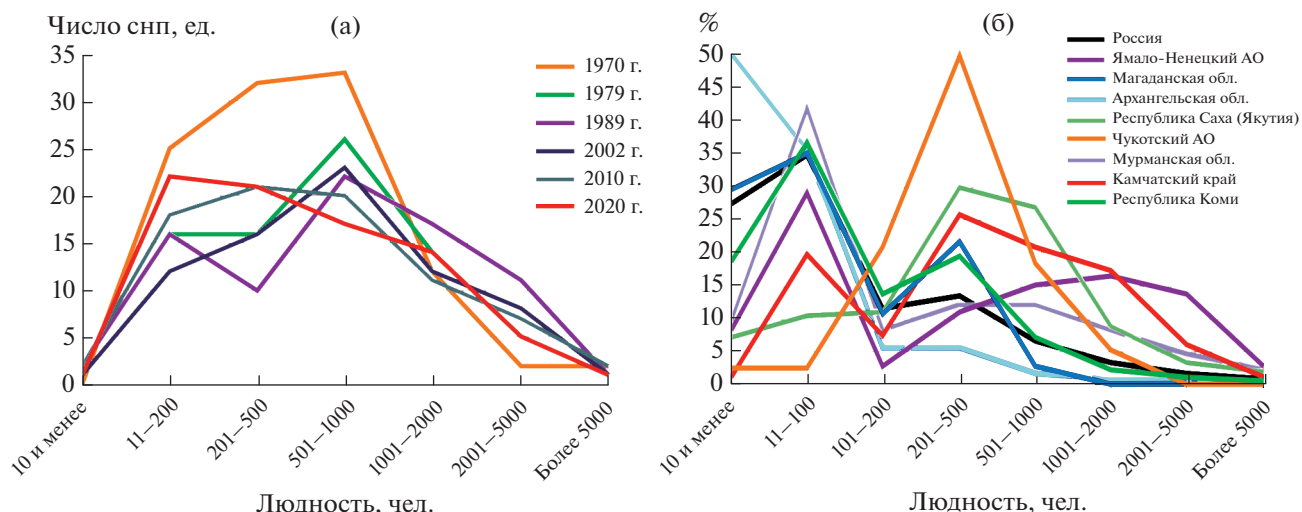

Рис. 2. Распределение снп по группам людности: (а) Камчатский край, 1970–2020 гг., ед.; (б) некоторые регионы России с очаговым типом сельского расселения, 2020 г., %. Составлено по данным переписей населения.

ния, ее результаты в последние десятилетия подверглись еще более сильной эрозии.

Средняя продолжительность жизни большинства населенных пунктов Камчатки не превышает нескольких десятилетий, в течение которых в них не удавалось создать комфортную для проживания среду. Достигнув пика своего развития в середине 1950-х годов сеть снп полуострова начала быстро сокращаться в результате сворачивания большой группы поселков, связанных с добычей и переработкой рыбы. Наиболее интенсивно это происходило в 1960–70-х годах, когда в общей сложности было упразднено более 120 снп.

В результате современная сеть сельского расселения включает снп, прошедшие серьезный естественный отбор. Их устойчивость связана или с выгодным транспортно-географическим положением, или с наличием в окрестности важных природных ресурсов, или с более удачным положением в ландшафте, в том числе с учетом природных рисков. Негативная динамика населения и теперь уже достаточно медленное сокращение сети в определенном смысле консервируют как внешние, морфологические, так и социальные особенности снп, связанные с их генезисом. Лишь в зоне влияния Петропавловской агломерации происходят характерные для пригородной сельской местности процессы быстрой трансформации функций.

Наибольшую жизнеспособность (около трети всех существующих снп) показали поселения, созданные как центры дореволюционной земледельческой колонизации и планового сельскохозяйственного освоения советского периода, возникшие в зоне с максимальной комфортностью среды и умеренными природными рисками: часть Мильковского и Елизовский район (см. табл. 1, 2,

рис. 3). Большинство из них в последние годы получили выход на автодорогу с твердым покрытием, что расширяет возможности для социально-экономической адаптации жителей через вахтовую занятость в областном центре и на ближайших горнодобывающих предприятиях, для развития малого бизнеса в туристско-рекреационной сфере, пищевой промышленности и сельском хозяйстве. Дополнительным стабилизирующим фактором для поселков в центральной и юго-восточной частях полуострова выступает наличие многоквартирного жилищного фонд, значительная часть которого была возведена в 1970–80-е годы и находится в неплохом состоянии.

Большая “смертность” (почти 80%) рыбопромысловых поселков (Соболевский, Усть-Большерецкий районы, северо-восток Усть-Камчатского района) связана с переходом в середине 1950-х годов к активному морскому рыболовству. Концентрация производства, приведшая к сокращению числа мелких рыбзаводов, завершение строительства в 1972 г. грунтовой автодороги между западным побережьем и областным центром, изменили логику отрасли. Отпала необходимость в большом количестве расположенных вдоль побережья снп¹⁰. Однако и сегодня сезонная ритмика – примечательный элемент образа жизни прибрежных районов, оживляющихся в период весенне-летней путины за счет трудовых мигран-

¹⁰“Особенно высокими темпами концентрация рыбной промышленности и колхозов стала осуществляться в 1960-е годы. С 1953 по 1967 г. количество рыбокомбинатов снизилось с 25 до 16, рыбзаводов – с 109 до 24, почти вдвое уменьшилось количество рыболовецких колхозов”. Приложение к распоряжению Правительства Камчатского края от 16.02.2011 № 72-РП.

Таблица 2. Распределение снп разных генетических типов по районам Камчатского края

Район	Переход коренных жителей к оседлому образу жизни	Центры колонизации/ в том числе земледельческой	Рыбопромысловые	Промышленные и транспортные	Лесохозяйственные	Сельскохозяйственные	Административные центры	Со специальными функциями	Всего/в том числе существующие
Алеутский			8						8/1
Быстринский	5			2	1				8/2
Елизовский		12/5	23	4		26		9	74/25
Мильковский		10/3		1	5	6			22/7
Соболевский		1	25	1		4			31/4
Усть-Большерецкий		3	27	1		6	1		38/9
Усть-Камчатский		7	19	1		1			28/6
Всего (Камчатская область)	5	33/8	102	10	6	43	1	9	210/55
Карагинский	12	3	10			1	1		27/6
Олюторский	12	1	19	2		1			35/8
Пенжинский	14	2	3			4	1		24/7
Тигильский	17	2	7						25/7
Всего (Корякский АО)	55	8	39	2		6	2		112/28
Всего	60	41/8	141	12	6	49	3	9	321/82

Составлено по указанным в тексте источникам.

тов. Наиболее удобно расположенные в транспортном отношении части побережья Охотского моря, в первую очередь вдоль Октябрьской косы, разбиты на промысловые участки с небольшими рыболовецкими станами, откуда большая часть продукция вывозится автотранспортом в Петропавловск-Камчатский и Елизово. А вот социально-бытовые условия, благоустройство и привлекательность монопрофильных поселков оставляют желать лучшего.

Три сохранившихся бывших *лесохозяйственных* снп на севере Мильковского района в значительной степени предоставлены сами себе. Некоторые из них, отрезанные от основных дорог рекой Камчаткой, в перспективе исчезнут. Остатки лесозаготовительных производств, перешедших в руки индивидуальных предпринимателей, не в состоянии обеспечить занятость населения, выживающего за счет не всегда законного использования биологических ресурсов, обслуживания сезонного туризма, трудовой миграции.

Сохранение крайне разреженной сети сельских поселений, разбросанных по территории бывшего Корякского автономного округа, продиктовано как необходимостью предоставления гражданам минимального набора социальных

услуг, так и военно-стратегическими соображениями. Проблемы безработицы и маргинализации коренных жителей смягчаются в наиболее крупных береговых поселках сезонной занятостью на предприятиях рыбопереработки и социальной сферы. Местные биологические ресурсы, рыба и дикоросы, как и раньше, остаются материальной опорой значительной части населения.

В числе важных, но сильно запоздавших мер, которые могут помочь затормозить дальнейшее сжатие обитаемого пространства в центральной и южной частях Камчатки, — развитие транспортной сети. Только в 2021 г., спустя почти шестьдесят лет после начала строительства, удалось довести шоссе с твердым покрытием от Петропавловска-Камчатского до Мильково, а работы в направлении других районных центров только разворачиваются.

Не менее значима поддержка постоянно сокращающегося, но пока еще не утраченного, и пестрого по составу социального ядра жителей. Оно состоит не только из представителей советского, почти уже старожильческого населения, по разным причинам оказавшихся на Камчатке, и сегодня не имеющих возможности, средств или мотиваций для переезда “на материк”. Есть и не-

ВЫВОДЫ

1. Несмотря на включение Камчатки в состав Русского государства почти одновременно с большинством регионов Азиатской России, процесс активного, преимущественно экстенсивного освоения и связанное с ним развитие сети сельского расселения в основном приходятся на XX в., когда возникло более двух третей всех постоянных снп. Наиболее интенсивный рост был характерен для двух типов районов — тесно связанных с рыбным промыслом и земледельческим освоением.

2. В условиях относительно молодой и разреженной системы расселения снп Камчатки во многом сохранили морфологические черты и функциональные особенности, связанные с причинами своего возникновения. Трансформация расселения края в постсоветский период сводится в основном к сжатию сети поселений и адаптации исходных функций снп к современным условиям.

3. Значительная контрастность природных условий, этнокультурные особенности населения, важность политико-географического положения привели к формированию на Камчатке в рамках одного очагового типа сельского расселения довольно широкого набора генетических групп населенных пунктов — от промысловых и лесохозяйственных до аграрных, связанных с земледельческим освоением, и пригородных.

4. Основные генетические типы связаны с разными этапами развития рыболовства (более 40% всех поселений) и земледельческого освоения территории (около 15%). До начала процесса коллективизации значительную роль в расселении играли сезоннообитаемые населенные пункты и кочевья (около трети всех поселений в 1926 г.), и снп, возникших в процессе перехода коренного населения на оседлость. По сравнению с другими регионами Азиатской части России весьма немногочисленна группа поселений, связанная с горнодобывающей промышленностью и геолого-разведкой, планомерное развитие которой началось в регионе лишь в конце 1950-х годов.

5. Хотя пределы сжатия системы расселения еще не достигнуты, основной этап сокращения сети снп уже позади. Дальнейшее развитие сельского расселения зависит от соотношения негативных факторов, среди которых главный — продолжающийся миграционный отток, и условно позитивных — увеличение доли снп с пульсирующим населением, связанным с рекреационной деятельностью, расширение вахтовой занятости жителей поселков центральной части полуострова, и поддержание капитального жилищного фонда и инфраструктуры, развитие сети дорог с твердым покрытием, наконец, закрепление мигрантов из более северных территорий.

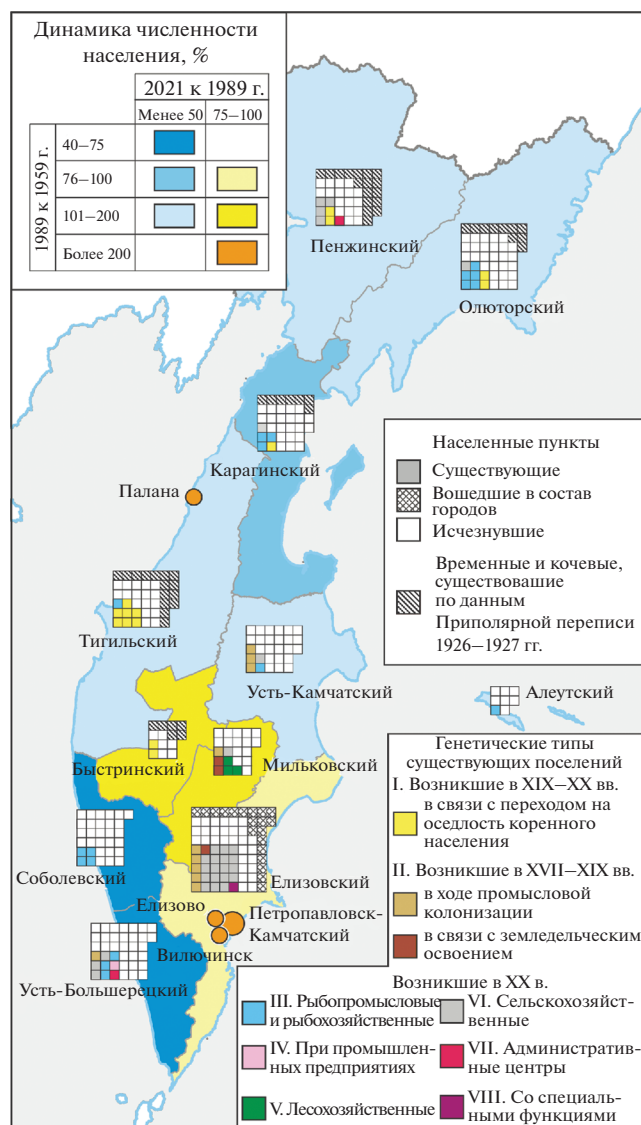

Рис. 3. Генетические типы существующих снп Камчатского края.

большая, но активная доля энтузиастов, родившихся на полуострове, кому привычны и дороги его природа, ландшафты и некое подобие свободы, которое сложно ощутить в крупных городах. Определенную подпитку дают мигранты с севера — с территории бывшего Корякского округа и Магаданской области, для которых природно-климатические и социально-бытовые условия центральной и южной частей Камчатки привлекательны. Есть и небольшое число приезжих — специалистов из других регионов Азиатской России, кого привлекает уровень зарплаты в бюджетном секторе и готовых осесть в пределах часовой доступности от областного центра.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова при поддержке проекта РНФ № 21-17-00112 “Трансформация различных типов сельской местности России под влиянием внутренних и внешних факторов в современных социально-экономических и демографических условиях”.

FUNDING

The study was carried out in the Moscow State University and supported by the Russian Science Foundation project no. 21-17-00112 “Transformation of Various Types of Rural Areas in Russia under the Influence of Internal and External Factors in Modern Socio-Economic and Demographic Conditions.”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтайский край: Атлас. МГУ. М.—Барнаул: Изд-е ГУГК, 1980. Т. 2. С. 30—31, 170—174.
- Борисов И.Г. Атлас рыбной промышленности СССР. М.: Народный комиссариат рыбной промышленности СССР, 1939. С. 42.
- Борисов В.И. Из истории населенных пунктов долины реки Камчатки. Вопросы истории Камчатки. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2008. С. 179—255.
- Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII вв. М., 1974.
- Гаврилов С.В. Вдоль камчатских берегов: Транспортное и рыбопромышленное освоение охотско-камчатского побережья в конце XIX — первой трети XX вв. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2003. 567 с.
- Ильина В.А. Итоги хозяйственного освоения Камчатки к концу 1930-х гг. в контексте теории фронта // Вестн. КРАУНЦ. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (19). С. 24—32.
- Камчатская область. В кн.: Дальний Восток: Экономико-географическая характеристика. М.: Мысль, 1966. С. 389—431.
- Клоков К.Б., Антонов Е.В. Этнокультурно-ландшафтное районирование традиционного северного оленеводства в разрезе муниципальных образований Российской Федерации // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Науки о Земле. 2022. Т. 67 (4). С. 696—713.
- Ковалев С.А. Сельское расселение (географическое исследование). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. С. 29—84.
- Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги российской колонизации Туркестана. Тель-Авив, 2001. 269 с.
- Лухманов Д.Н. Эволюция расселения на территории Югры во второй половине XX в. // Вестн. исторической географии. М.: Эслан, 2005. Вып. 3. С. 160—181.
- Нефедова Т.Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Вестн. АРГО. 2018. № 7. С. 4—20.
- Панков С.В. География сельских поселений Центрального Черноземья (эволюция, морфология, структура селитебных территорий). Дис. ... д-ра геогр. наук. Воронеж, 2011. 269 с.
- Пирагис А.П. Топонимика Петропавловска-Камчатского и его окрестностей // Вопросы географии Камчатки. Вып. 13. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. С. 77—90.
- Родоман Б.Б. Страна перманентного колониализма: подумаем о моральных аспектах // География. 2009. № 2. С. 6—8.
- Савоскул М.С., Алексеев А.И. Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузрека Терского района Мурманской области) // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 3. С. 111—123.
- Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.): Сб. научных статей. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 299 с.
- Смышляев А.А. Геологи Камчатки: Очерки по истории геологических исследований на Камчатке. СПб., 1999. 288 с.
- Солдатова Н.В. Генезис системы местных центров Вологодской области. Дис. ... канд. геогр. наук. М.: Ин-т географии РАН, 1995. 189 с.
- Шарухо И.Н. Исторические типы сельского расселения Беларуси: культурно-географические особенности // Псковский регионологический журн. 2007. № 5. С. 115—132.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 5-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 448 с.
- Alekseev A.I., Safronov S.G. Transformation trends of Russia's rural settlement patterns in the late soviet and post-soviet periods (1970—2010) // Reg. Res. of Rus. 2015. № 5. P. 193—201.
<https://doi.org/10.1134/S2079970515020021>
- Averkieva K.V. Citizen Participation in the Development of the Nonagrarian Function of the Countryside: Rural Guest Houses in the Russian North // Reg. Res. of Rus. 2020. № 10. P. 412—419.
<https://doi.org/10.1134/S207997052003003X>
- Baker A.R.H. Historical Geography and the Study of the European Rural Landscape // Geografiska Annaler. Ser. B. Human Geography. 1988. Vol. 70. № 1. P. 5—16.
<https://doi.org/10.1080/04353684.1988.11879546>
- Clifford D.H. Settlement in Northern Rhodesia // Geographical Review. 1931. Vol. 21. № 4. October. P. 559—573.
- Duffy P.J. Historical Geography, Rural. International Encyclopedia of Human Geography. Second Ed. 2009. P. 136—145.
<https://doi.org/10.1016/B978-008044910-4.00392-8>
- Jakle J.A. A Historical Perspective on Rural Settlement // Agricultural History. 1974. Vol. 48. № 1. P. 26—30.
- Kalinina I.V., Komarova T.M. Settlement pattern formation and sociodemographic security of Jewish Autonomous Oblast // Reg. Res. of Rus. 2013. № 3. P. 356—364.
<https://doi.org/10.1134/S2079970513040047>
- Kang J.Y., Zhang J.H., Hu H., Jun Zh., Jie X. Analysis on the spatial distribution characteristics of Chinese traditional villages // Progress in Geography. 2016. Vol. 35 (7). P. 839—850.

Genetic Types of Kamchatka Rural Settlements

E. V. Antonov^{1, 2, *} and S. G. Safronov^{2, **}¹*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*²*Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

*e-mail: antonov@igras.ru

**e-mail: saffff@mail.ru

The process and the results of Russian colonization traditionally attract the attention of specialists in various scientific fields. The development of the settlement system is both an important part and an indicator of this process. Based on data from various static and literary sources, genetic types of Kamchatka rural settlements. Although most of the more than 320 rural settlements in Kamchatka currently no longer have a population, their composition and geography are of interest for analyzing the logic of development and prospects for further settlement pattern transformation. In recent decades, it has been largely associated with the adaptation of the initial functions of rural settlements to modern conditions. During the Soviet period, the most important from the point of view of settlement development, there were multidirectional processes in Kamchatka: extensive quantitative growth associated with the development of local fish resources and agricultural areas has been replaced by several stages of “optimization” of the settlement network. Compared with other regions of Asian Russia, settlements associated with mining development were relatively poorly represented here. In the northern part of the region, after the elimination of most seasonally inhabited settlements of indigenous residents, a rare and not very stable network of stationary settlements was formed. All these processes have led to the formation of a fairly wide set of genetic types of rural settlements on the peninsula for territories with focal settlement pattern—from commercial and forestry to agricultural, related to agricultural development, and suburban. The further evolution of the region’s rural settlement pattern will depend on the preservation of viable elements of the original functions of settlements, the preservation of the social core of residents, and the maintenance of the housing stock and infrastructure created at previous stages.

Keywords: rural settlements, genetic types of rural settlements, Kamchatka krai

REFERENCES

- Alekseev A.I., Safronov S.G. Transformation trends of Russia’s rural settlement patterns in the late soviet and post-soviet periods (1970–2010). *Reg. Res. Russ.*, 2015, no. 5, pp. 193–201.
<https://doi.org/10.1134/S2079970515020021>
- Altai Krai. In Atlas. MGU. Tom 2* [Atlas. MSU. Vol. 2]. Moscow–Barnaul: GUGK, 1980, pp. 30–31, 170–174. (In Russ.).
- Averkieva K.V. Citizen participation in the development of the nonagrarian function of the countryside: rural guest houses in the Russian North. *Reg. Res. Russ.*, 2020, no. 10, pp. 412–419.
<https://doi.org/10.1134/S207997052003003X>
- Baker A.R.H. Historical geography and the study of the European rural landscape. *Geogr. Ann. B: Hum.*, 1988, vol. 70, no. 1, pp. 5–16.
<https://doi.org/10.1080/04353684.1988.11879546>
- Borisov I.G. *Atlas rybnoi promyshlennosti SSSR* [Atlas of the Fishing Industry of the USSR]. Moscow: Narodn. Kommissariat Rybnoi Promysh. SSSR, 1939. 42 p.
- Borisov V.I. From the history of the settlements of the Kamchatka river valley. In *Voprosy istorii Kamchatki. Vyp. 2* [Problems of the History of Kamchatka. Vol. 2]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Novaya kniga Publ., 2008, pp. 179–255. (In Russ.).
- Clifford D.H. Settlement in Northern Rhodesia. *Geogr. Rev.*, 1931, vol. 21, no. 4, pp. 559–573.
- Duffy P.J. Historical Geography, Rural. In *International Encyclopedia of Human Geography. Second Edition*. 2009, pp. 136–145.
<https://doi.org/10.1016/B978-008044910-4.00392-8>
- Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii. Izd. 5-e* [Internal Colonization. Imperial Experience of Russia. 5th edition]. Moscow: NLO Publ., 2022. 448 p.
- Gavrilov S.V. *Vdol’ kamchatskikh beregov: Transportnoe i rybopromyshlennoe osvoenie okhotsko-kamchatskogo poberezh’ya v kontse XIX–pervoi treti XX vv.* [Along the Kamchatka Coasts: Transport and Fishing Development of the Okhotsk-Kamchatka Coast at the End of the 19th – the First Third of the 20th Centuries]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatskii pechatnyi dvor, 2003. 567 p.
- Il’ina V.A. Results of the economic development of Kamchatka by the end of the 1930s in the context of the frontier theory. *Vestn. KRAUNTs, Ser. Guman. Nauki*, 2012, vol. 19, no. 1, pp. 24–32. (In Russ.).
- Jakle J.A. A historical perspective on rural settlement. *Agric. Hist.*, 1974, vol. 48, no. 1, pp. 26–30.
- Kalinina I.V., Komarova T.M. Settlement pattern formation and sociodemographic security of Jewish Autonomous Oblast. *Reg. Res. Russ.*, 2013, no. 3, pp. 356–364.
<https://doi.org/10.1134/S2079970513040047>
- Kamchatka oblast’. In Dal’nii Vostok: Ekonomiko-geograficheskaya kharakteristika* [Far East: Economic and Geographical Characteristics]. Moscow: Mysl’ Publ., 1966, pp. 389–431. (In Russ.).
- Kang J.Y., Zhang J.H., Hu H., Jun Zh., Jie X. Analysis on the spatial distribution characteristics of Chinese traditional villages. *Prog. Geogr.*, 2016, vol. 35, no. 7, pp. 839–850.

- Klokov K.B., Antonov E.V. Ethnocultural and landscape zoning of traditional reindeer husbandry in the context of municipalities of the Russian Federation. *Vestn. S.-Peterb. Univ. Nauki Zemle*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 696–713. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.408>
- Kovalev S.A. *Sel'skoe rasselenie (geograficheskoe issledovanie)* [Rural Settlement (Geographical Study)]. Moscow: Mosk. Univ. Publ., 1963.
- Leizerovich E.E. *Sotsial'nye i ekonomicheskie itogi rossiiskoi kolonizatsii Turkestana* [Social and Economic Results of the Russian Colonization of Turkestan]. Tel Aviv, 2001. 269 p.
- Lukhmanov D.N. Evolution on the territory of Yugra in the second half of the 20th century. In *Vestnik istoricheskoi geografii. Vyp. 3* [Bulletin of Historical Geography. Vol. 3]. Moscow: Eslan Publ., 2005, pp. 160–181. (In Russ.).
- Nefedova T.G. Factors and trends in rural settlement in Russia. *Vestn. ARGO*, 2018, no. 7, pp. 4–20. (In Russ.).
- Pankov S.V. Geography of rural settlements of the Central Chernozem region (evolution, morphology, structure of residential areas). *Dr. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Voronezh, 2011. 269 p.
- Piragis A.P. Toponymy of Petropavlovsk-Kamchatsky and its environs. In *Voprosy geografii Kamchatki. Vyp. 13* [Problems of the Geography of Kamchatka. Vol. 13]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Novaya kniga Publ., 2011, pp. 77–90. (In Russ.).
- Rodoman B.B. Country of permanent colonialism: let's think about the moral aspects. *Geogr.*, 2009, no. 2, pp. 6–8. (In Russ.).
- Savoskul M.S., Alekseev A.I. Trajectories of transformation of one unpromising village (on the example of the village of Kuzreka, Tersky district, Murmansk region). *Krestyanoved.*, 2021, vol. 6, no. 3, pp. 111–123. (In Russ.).
- Sibir' v kontekste russkoi modeli kolonizatsii (XVII–nachalo XX v.): sb. nauch. statei* [Siberia in the Context of the Russian Model of Colonization (XVII–Beginning of the XX Century): Collection of Scientific Articles]. St. Petersburg: MAE RAN, 2014. 299 p.
- Smyshlyaev A.A. *Geologi Kamchatki: Ocherki po istorii geologicheskikh issledovaniy na Kamchatke* [Geologists of Kamchatka: Essays on the History of Geological Research in Kamchatka]. St. Petersburg, 1999. 288 p.
- Sharukho I.N. Historical types of rural settlement in Belarus: cultural and geographical features. *Pskov. Regionolog. Zh.*, 2007, no. 5, pp. 115–132. (In Russ.).
- Soldatova N.V. Genesis of the system of local centers of the Vologda region. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Inst. Geogr., Russ. Acad. Sci., 1995. 189 p.
- Vitov M.V., Vlasova I.V. *Geografiya sel'skogo rasseleniya Zapadnogo Pomor'ya v XVI–XVIII vv.* [Geography of the Rural Settlement of Western Pomorie in the 16th–18th Centuries]. Moscow, 1974.